

ÆGYPTIACA ROSSICA

Выпуск 4

УНИВЕРСИТЕТ
ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

УДК 398.2(32)
ББК ТЗ(0)310-7

Подготовлено к печати и издано по решению
Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Редакционный совет:

М. Bárta (Ph.D), к.и.н. О.А. Васильева, д.и.н. А. Е. Демидчик,
к.иск. Н.В. Лаврентьева, к.и.н. И.А. Ладынин, к.иск. М.А. Чегодаев

Редакционная коллегия: М.А. Чегодаев, Н.В. Лаврентьева

Aegyptiaca Rossica (Выпуск 4): сб. ст. / под ред. М.А. Чегодаева, Н.В. Лаврентьевой.
М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 470 с.: ил.

ISBN 978-5-91244-180-6

В сборнике статей, основанных на докладах, прочитанных на круглом столе «Язык(и) древнеегипетской культуры: чтение, понимание, перевод», состоявшемся в 2015 г., представлены работы, относящиеся к различным периодам истории Древнего Египта. Они затрагивают разнообразную проблематику, связанную с вопросами различных египтологических дисциплин: истории, филологии, религиоведения, искусствоведения, культурологии. Статьи посвящены специфике воплощения и диалогу вербальных и невербальных языков древнеегипетской культуры.

© Русский фонд содействия образованию и науке, 2016

Восприятие древнеегипетской иероглифики в эпоху московского барокко

Культура эпохи барокко с её эстетикой образа, эмблемы, символа, зафиксированного в слове-подписи, эпиграфична¹. Поэтому надписи, превратившиеся в идеальное поле для игр интеллекта, органично вписываются в барочную эстетику, испытывавшую интерес к слову, которое можно разглядывать, петь, обыгрывать, превратить в загадку². Всё это проистекало из барочной концепции «мир есть книга», в которой, как отмечал Симеон Полоцкий, «словом написа всяческих Владыка»³.

Интеллектуальную культуру эпохи московского барокко характеризует рождение эпиграфической культуры, связанной с пробуждением интереса к иноязычным надписям, а также с попытками их изучения и интерпретации. На её формирование повлияло новое качество образованности, позволившее увидеть и оценить мир восточных и западноевропейских надписей. Одна из ярких страниц эпиграфической культуры этой эпохи с попытками интерпретации древнеегипетских иероглифов. В отечественной науке эта тема, насколько мне известно, почти не обсуждалась, если не считать краткого очерка Н.С. Петровского и А.М. Белова в научно-популярной книге «Страна Большого Хапи»⁴.

В XIV–XVI вв. русские паломники воспринимали памятники культуры

---

¹ О роли символа и эмблемы в культуре позднего Ренессанса и барокко см.: *Махов А.Е.* 2014. О роли египетской иероглифики в эмблематической культуре эпохи барокко см.: *Морозов А.А., Софронова Л.А.* Эмблематика и её место в искусстве барокко // *Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи.* М., 1979. С. 14–17.

² *Сазонова Л.И.* Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – начало XVIII в.). М., 1991. С. 76–77.

³ *Simeon Polockij.* Vertograd mnogocvĕtnyj. Vol. 2. "Emmanuel" – "Počítanie" (Ed. by Anthony Hippisley and Lydia I. Sazonova). Köln, Weimar, Wien, 1999. S. 334.

⁴ *Петровский Н.С., Белов А.М.* Страна Большого Хапи. Л., 1955. С. 14–32; *Петровский Н.С., Стучевский И.А.* Источники сведений о Древнем Египте в России в IX–XVIII веках // В. Замаровский. Их величества пирамиды. (Послесл. Н.С. Петровского, И.А. Стучевского). М., 1986. С. 389–396.

и истории Древнего Египта сквозь призму Священной Истории, видя в них свидетелей ветхо- и новозаветных событий, а в иероглифических надписях угадывали памятники неизвестной письменности. В 1348/49 г. древнеегипетские обелиски, украшавшие столицу Византии (*Рис. 1*), удивили Стефана Новгородца. В покрывавших их иероглифах он увидел «писания», но достойными удивления счёл технику резьбы – «*рыть великая*» – и сложность работы – «*жельзо камени того не иметь*»⁵. Спустя 200 лет картина изменилась мало. В окрестностях Каира казанский купец Василий Гагара изучил иероглифическую надпись в «палатах Иосифа» (очевидно, одном из древнеегипетских заупокойных храмов), расположенную на «подволоке резной», оставив её краткое описание: «*резь мудростию травная, и по рези писано золотом и разными красками, а верх обломился*»⁶.

Эпоха барокко с её тягой к символам и эмблемам пробудила интерес к древнеегипетской письменности. В Западной Европе тон задавал созданный в IV в. по Р. Х. трактат Горополлона «Иероглифика», раскрывавший значение иероглифов как символических знаков⁷. Впервые изданный в 1505 г., впоследствии он был переведён на латинский и французский языки и в XVI–XVII вв. выдержал не менее 150 изданий, в том числе и с комментариями известных европейских учёных⁸.

Среди первых отечественных «египтологов» середины XVI – первой четверти XVIII в. можно выделить три поколения. К первому принадлежал иеромонах Троице-Сергиева монастыря Арсений (в миру Антон Путилин сын Суханов, 1600–1668), творивший в самом начале эпохи московского барокко. Расцвет египтологических изысканий представителя второго поколения, уроженца Валахии Николая Спафария (1636–1708), пришёлся на рас-

⁵ Хождение Стефана Новгородца // БЛДР. Т. 6: XIV – середина XV века. СПб., 1999. С. 30.

⁶ Хождение гостя Василия Гагары в Иерусалим и Египет. // Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. (Сост., подг. текста, пер., вступ. статья и комм. Н.И. Прокофьева). М., 1984. С. 76.

⁷ Подробнее см.: Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб., 2007. С. 151–175.

⁸ См.: Mâle E. L'art religieux de la fin du XVIe siècle, du XVIIe siècle et du XVIIIe siècle: étude sur l'iconographie après le Concile de Trente: Italie - France - Espagne - Flandres. 2nd ed. P., 1951. P. 387–388; ср.: Томсинов В.А. Краткая история египтологии. М., 2004. С. 57–58.

цвет этой эпохи. Малороссиянин Василий Григорьевич Григорович-Барский (1701–1747) жил на переломе эпох. По уровню образования он ещё был человеком эпохи барокко, а по широте интересов – принадлежал к «новым» эрудитам, порождённым петровскими реформами. Все трое владели классическими языками – латинским и, в меньшей степени, древнегреческим, что стало основой их восприятия иноземных эпиграфических памятников.

Арсений (Суханов), посетивший Египет в 1651 г., был первым русским паломником, обладавшим эпиграфической культурой. В иероглифических надписях он увидел памятники эпиграфики и применил типичные для эпиграфиста методы их изучения. В *«палатах Иосифа»* он, как и Василий Гагара, отметил материал, размеры и сохранность опоясывающей его надписи: *«Да сверху была вкруг полаты тоя подпись, строка деревянная, слова резаны из дерева и наклеиваны на стене, величеством слова те сажень трех есть, были позолочены, и ныне иное стоит, иное попортилось»*⁹, но, в отличие от предшественника, увидел в иероглифах *«слова»*. Этому открытию созвучно сравнительное изучение иероглифов на «иглах Клеопатры» – парных обелисках в пригороде Каира Миср аль-Джедида (древний Гелиополь) (*Рис. 2а*). Определив их как *«письмена <...> неведомо какія»*, он отметил их расположение – *«выръзаны кругомъ отъ низа и до верха»* и первым из русских паломников дал их описание: *«сабли, луки, рыбы, головы челоуъчы, руки, ноги, топорки, а инаго и знать нельзя, видимая и невидимая»*. Арсений (Суханов) сделал первое в отечественной египтологии открытие: сличая количество иероглифов на обоих обелисках, он определил: *«другой столбъ недалеко отъ того, таковъ же слово въ слово, качествомъ и количествомъ»* (выделено мною – А. А.)). Проникнуть в смысл иероглифов ему не удалось: *«сказываютъ, будто некоторая мудрость учинена»*, а его интерпретация обелисков как надгробного памятника *«храбраго воина царя Александра Македонского»* осталась в русле традиционных для Древней Руси представлений об античной истории¹⁰.

⁹ Арсений (Суханов), *иером.* Проскинитарий / Под ред. Н.И. Ивановского // ППС. Т. VII. Вып. 3. СПб., 1889. С. 38.

¹⁰ Арсений (Суханов), *иером.* *Op. cit.* С. 32. Ср.: Дьяченко О.А. Иллюстрация стиха «Зрю тя, гробе» в поствизантийском и русском искусстве // Труды ЦМиАР. Т. VI: Греческие иконы и стенописи XII–XVI вв. М., 2013. С. 182.

Восприятие Арсением (Сухановым) иероглифики как «слов», заключающих «некоторую мудрость» созвучно состоянию египтологии того времени – достаточно назвать трактат иезуита Николая Коссена «*Symbolica Aegyptiorum sapientia*», четырежды изданный в Кёльне (1614, 1622, 1631, 1654), и дважды – в Париже (1634, 1647). Однако наиболее востребованным в эпоху барокко был труд итальянского гуманиста Джованни Пьеро Валериано Больцани «*Hieroglyphica sive de sacris Aegyptiorum aliarum gentium litteris*», один из первых опытов комментирования «священных письмён» народов Древности, основанный на памятниках эпиграфики, Библии и сочинениях античных авторов, в первую очередь Горapolloна. Впервые изданный в Базеле в 1556 г.¹¹, он многократно переиздавался: в 1576, 1579, 1595, 1610, 1615, 1626 гг. – в Лионе, в 1592 г. – в Лейпциге, в 1604 и 1625 г. – в Венеции, в 1615 г. – в Париже, в 1628 и 1678 гг. – во Франкфурте-на-Майне, в 1631 и 1685 гг. – в Кёльне, в 1647 г. – в Амстердаме. Арсений (Суханов), знавший латынь, с этими трудами знаком не был. В Московской Руси они стали известны после его возвращения с Востока: росту интереса к древнеегипетской иероглифике по-видимому способствовали выехавшие в Москву просвещённые малороссияне. В библиотеке Епифания Славинецкого († 1675) имелась книга под названием «Символика египетская» (по мнению Д.И. Чижевского, – либо сочинение Дж. Пьеро Валериано, либо трактат Н. Коссена). С одним из этих трудов был знаком Антоний Радивилловский († 1688), а трактат Н. Коссена имелся в библиотеке Феофана Прокоповича¹². И всё же метод сравнительного анализа иероглифических знаков на разных эпиграфических памятниках, использованный Арсением (Сухановым), для его времени был новаторским и не применялся западноевропейскими исследователям древнеегипетской письменности.

С «научно-теоретическим» подходом к древнеегипетской письменности связан компилятивный трактат Николая Спафария «Книга иероглифическая священноаваятелна сиречь тайнописменная», написанный в

¹¹ *Ioannis Pierii Valeriani Bolzani Bellvnensius. Hieroglyphica, sive de sacris Aegyptiorum aliarum gentium litteris. Basileae, 1556*; см. также: *Махов А.Е. Эмблематика. Макрокосм. М., 2014. С. 29.*

¹² *Чижевський Д. Українське літературне бароко. Київ, 2003. С. 193–194, 196.*

первой половине 70-х гг. XVII в., – первое на Руси сочинение, где специально затрагивались вопросы происхождения и значения древнеегипетских иероглифов. Оставшийся неоконченным, в России он был распространён слабо: выявлены шесть списков предисловия к этому произведению и два списка первой главы, относящиеся к последней четверти XVII – началу XVIII в.¹³

Николай Спафарий первым из древнерусских книжников упомянул Горapolлона, передав его имя как «Ор», что соответствовало египтологической номенклатуре того времени (от «Horus Apollo» или «Horus Niliacus»)¹⁴. Очевидно, впервые на Руси он употребил и термин ‘иероглификон’ (заимствовав его у Дж. Пьеро Валериано, называвшего так трактат Горapolлона)¹⁵. Под этим термином Николай Спафарий понимал любой сакральный знак – надпись («*священноименованное*») или изображение («*священно-аятельное*»)¹⁶. Для него иероглифика была разновидностью тайнописи, «*яже сицева бяху, живописаху тогда зверя, или птицу, или древо, или что ино, и в том истолковашеся яко с великим трудом разумевати возможно бе сицево написание*»¹⁷. Такое понимание иероглифа естественно для эпохи барокко и в общих чертах совпадает с мнением Афанасия Кирхера, одного из первопроходцев в дешифровке египетских иероглифов, который воспринимал иероглифику как систему символов: «символ есть *примета, обозначающая* некую более глубокую тайну, то есть символ по природе своей способен привести наш дух, через некое подобие, к постижению предмета,

¹³ Белоброва О.А. Археографические обзоры // Николай Спафарий. Эстетические трактаты. Подг. текстов и вступ. статья О.А. Белобровой. Л., 1978. С. 140; Галшиев С.А. Сочинения и переводы Николая Спафария в рукописном собрании Уральского университета // ТОДРЛ. 1993. Т. XLVI. С. 518.

¹⁴ Horus Apollo Niliacus: Nicolai Caussini. Hieroglyphica, symbola, aenigmata, seu Polyhistor symbolic. et De symbolica Aegyptorum sapientia. Coloniae Agrippiae: Ioannem Cincivm, 1614. P. 5.

¹⁵ Ioannis Pierii Valeriani Bolzani Bellvnensius. Hieroglyphica..., 1556. P 105. В СлРЯ XI–XVII вв. термин «иероглификон» не отражён.

¹⁶ Термин «иероглиф» в значении «символ» употреблялся и в петровское время. См.: Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева). Л., 1972. С. 53.

¹⁷ Николай Спафарий. Книга иероглифийская, сиречь священноаятельна, яко обыкоша Египтяне и Еллины не писменным, но живописанием неким тайным и премудрым явити высокую мудрость и учение // Николай Спафарий. Эстетические трактаты / Подг. текстов и вступ. статья О.А. Белобровой. Л., 1978. С. 127.

сильно отличающегося от тех, что предстают внешним чувствам; свойства которого скрыты или спрятаны под покровом тёмных выражений <...> Он не образуется из слов, но выражается в приметах, письменах, фигурах»¹⁸. Впрочем, восприятие иероглифики как «некоторой мудрости» близко её пониманию Василием Гагарой и Арсением (Сухановым), знакомым с древнеегипетскими надписями визуально.

Древнеегипетскую письменность Николай Спафарий воспринимал сквозь призму западноевропейской эмблематической литературы: его источником стал труд Дж. Пьеро Валериано, откуда он перевёл отрывки, касающиеся значения отдельных иероглифов.

Таблица 1

Сравнительный анализ отрывков из «Книги...» Николая Спафария, трактата Горapolлона «Иероглифика» и труда Дж. Пьеро Валериано

«Книга...» Николая Спафария ¹⁹	Горapolлон «Иероглифика». Современный перевод на русский язык ²⁰	Дж. Пьеро Валериано. Иероглифика ²¹
<p>Дивно есть, яко египтяне егда хотяху показати век, не чрез иный зверь, токмо чрез василиска змия показоваху. Они же того ради делаша, зане токмо един змий из всех василиск силою убиен бити не может, яко Ор и инии пишут, понеже толика сила в нем самом, яко вся иная животная свирением токмо своим бегати творит</p>	<p>I, 1: Желая написать вечность иначе, рисуют змею, хвост которой скрыт под остальным туловищем; египтяне называют его <i>уреем</i>, что по-эллинически означает <i>василиск</i> <...> Египтяне говорят, что обозначают вечность посредством именно этого животного потому, что из трёх видов существующих змей только эта бессмертна (остальные же смертны), и,</p>	<p>P. 105 A: Anguis aute(m) fuit, huius species ea erat, que(m) VRAEON Aegyptij Basiliscu(m) Greci voca(n)t <...> P. 105 C: AETERNITAS. Sed enim Aegyptij hoc potius colubri genus, quam per aliud quodquam, seculu aeternitatem uc significarent, causa erat, quod inter serpenti(m) genera hoc unu interfici ui non potest, si Horo Niliaco Hieroglyphicōn no(n)-</p>

¹⁸ Цит. по: Эко У. Op. cit. С. 161.

¹⁹ Николай Спафарий. Op. cit. С. 135.

²⁰ Русский перевод: Горapolлон. Иероглифика. Пер. А.Г. Алексаняна // <http://www.egyptology.ru/antiq/Horapollo1.pdf>. Заглавие с экрана.

²¹ Ioannis Pierii Valeriani Bolzani Bellvnensius. Hieroglyphica..., 1556.

	дохнув на любое другое существо, без укуса уничтожает его <...>	nulorum auctori fides adhibenda est: quinimo tanta huic uni uis est, ut animalia reliqua solo sibio fuget, quo audito feru(n)t omnes auium cantus coërceri, fruticesque & herbas no(n) ullo mortu, sed olfactu aspectuue solo enecari.
Та же египтяне зело радовахуся солнцу за невеликия дары от него восприимаху, паче же иных человек	I, 34: Говорят, что египтяне более других людей радуются солнцу <...>	P. 145 A: Aegyptij denique cum Sole magis quam reliqui homines gaudeant, eiusque beneficio perfruantur <...>
Та же птицею финиксом знаменоваша египтяне, егда некто многое время отдален бысть от отечества своего и то приложиша, яко душа в теле человека несть во отечествии своем, паче же странна есть в теле от отечества своя душа	I, 35: Изображая вернувшегося в отчизну с чужбины спустя многое время, также рисуют финикса <...>	P. 144 E: Vt cunque autem de morte Phoenices, Aegyptij sacerdotes tam diuturne migrationis ergo, cum qui pererger pofectus diutissime domo procul abfuisset, per hanc alitem significabatur

Считая иероглифику древнейшей письменностью мира, «зане по потопе Египетское царство древнейшее и во всех учение цветущее бе», Николай Спафарий приписал её создание сыну Адама Сифу, который записал на двух столпах *«всякою мудростию писменем иным, сиречь иероглифийским, или египетским»* полученные от отца знания, дабы они не были утеряны в грядущем потопе²². Здесь Николай Спафарий переосмыслил славяно-византийские традиции, где Сиф считался создателем *«грамоты Жидовьской»* и двух допотопных столпов. Об этом свидетельствовали переведённая на славянский язык в XI в. византийская «Хроника» Георгия

²² Николай Спафарий. Op. cit. С. 126–127.

Амартола, где этот сюжет был заимствован у Иосифа Флавия²³, и созданный в XV ст. «Летописец Еллинский и Римский»²⁴. В апокрифах «еврейская писмена» считались созданием Бога, который вручил их Сифу²⁵.

Барочный ореол с древнеегипетской письменности был снят в эпоху петровских реформ. В.Г. Григорович-Барский в 1724 г. совершил паломничество в Египет. Как и Арсений (Суханов), он заинтересовался гелиопольскими обелисками и сделал – первую в России – зарисовку одного из них (Рис. 2 б, в). Он также заметил, что они «мъроу и дѣломъ въ всемъ подобни суть», но, в отличие от предшественника, измерил ширину обелисков и глубину резьбы: «имуть же толстоти пядій единадесятъ, якоже азъ самъ измѣрихъ, висоти же не могахъ увѣдети, но разсудихъ бити сажней десять. Единъ и цѣль камень прост, не округол же, яко же обычно столпамъ, но четверуголенъ, и съверху остръ, и отъ всѣхъ странъ единаче ширину иматъ <...> изриту глубоко, яко на две члени перста». В иероглифах путешественник увидел «нѣкіе печати или знаменія (знаки. – А.А.)» и сравнил с буквами русского алфавита, изображениями животных, частей человеческого тела и предметами: «едино точію знаменіе во всемъ подобное есть, якоже Русское живѣте, прочая же птицамъ, ина же ланцухамъ (цепям. – А. А.), ина же перстамъ, ина же точкамъ подобятся». Это описание рационально и носит научный для того времени характер.

В заключение статьи сравним те символы, с которыми Арсений (Суханов) и В.Г. Григорович-Барский ассоциировали древнеегипетские иероглифы:

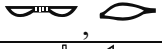

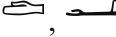

²³ Истрин В.М. Книги временныя и образныя Геωργии Жинха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. I: Текст. Пг., 1920. С. 33; ср.: Ioseph. Flav., Ant. Iud., I, 2, 3 (71): στήλας δύο ποιησάμενοι τὴν μὲν ἐκ πλίνθου τὴν ἑτέραν δὲ ἐκ λίθων ἀμφοτέρας ἐνέγραψαν.

²⁴ Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст. Сост. О.В. Творогов СПб., 1999. С. 4.

²⁵ Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. Казань, 1872. С. 106 (репр.: М., 2005).

Таблица 2

*Обозначение древнеегипетских иероглифов
у Арсения (Суханова) и В. Г. Григоровича-Барского*

Обозначение иероглифа	Иероглиф	Арсений (Суханов)	В. Г. Григорович-Барский
Буква «живете»			+
Ланцуха (цепь)			+
Лук		+	
Нога		+	
Палец			+
Птица			+
Рука		+	
Рыба		+	
Сабля		+	
Топор		+	
Точка			+
Человеческая голова		+	
А инаго и знать нельзя		+	

Можно видеть, что больше общего у представителей первого и третьего «поколений»: и Арсений (Суханов) и В.Г. Григорович-Барский делали выводы о характере древнеегипетской письменности на основе визуального знакомства с надписями, техники резьбы и сравнительного анализа вырезанных на них иероглифов, а для их обозначения использовали названия предметов, животных и частей человеческого тела, в чём опережали западноевропейскую египтологическую мысль того времени. Разница состоит в том, что В.Г. Григорович-Барский не увидел в них ни «некоей мудрости», ни тайнописи, указав лишь на невозможность их дешифровки из-за несхожести с иными системами письменности: *«ихъ же многи видѣша, но истолковати не могутъ, понеже не подобятся а ни до Еврейскихъ, а ни до*

Еллинскихъ, а ни до Латинскихъ, а ни до инихъ коихъ либо буди письменъ»²⁶. Николай Спафарий как представитель учёной элиты расцвета эпохи московского барокко всецело доверялся выводам западноевропейских исследователей иероглифики, соотнося их со сложившейся на Руси исторической традицией. Выводы, сделанные первыми русскими книжниками, были важны как первые шаги отечественной египтологии, привлекавшие внимание современников к иероглифической письменности.

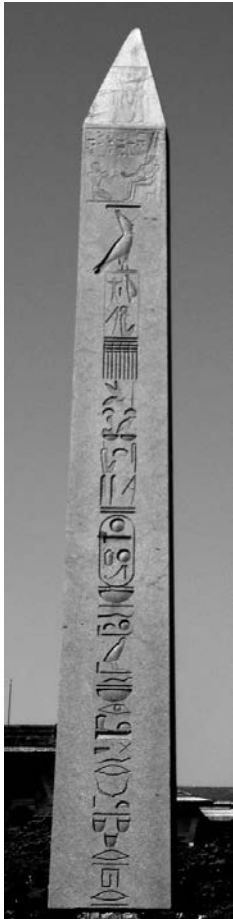

Рис. 1а. Стамбул. Обелиск Феодосия.
Фото автора 2012 г.

Рис. 2а. Гелиополь. «Игла Клеопатры».
John Shae Perring. Акварель. 1860 г.

²⁶ Григорович-Барский В.Г. Странствия по святым местам Востока (с 1723 по 1747 г.). Подг. текста к переизд., прим. и послесл. В.В. Павленко. Ч. II. М., 2005. С. 142, 144.

Рис. 1б. Иероглифы стамбульского обелиска

Рис. 1в. Зарисовка Суханова (?) иероглифов стамбульского обелиска